

КЛИБОЛД СЬЮ

18+

*Дневники
матери*

Предисловие
от самого популярного автора Сети

СТЕЙС КРАМЕР

Сью Клиболд

Дневники матери

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26346292
Дневники матери: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-099475-5

Аннотация

20 апреля 1999 года Дилан Клиболд и Эрик Харрис вошли в здание старшей школы в городе Литлтонь, Колорадо, с заряженными ружьями. В течение нескольких минут они бы убили двенадцать учеников и одного учителя, а также ранили еще двадцать четыре человека перед тем, как совершить двойное самоубийство.

Сью Клиболд – мать Дилана – написала книгу «Дневник матери» после шестнадцати лет боли и стыда, терзаясь вопросом: почему ее сын так поступил, и могла ли она что-то изменить.

Это откровенная история их с сыном пути, который она анализирует, пытаясь найти признаки зарождавшихся в сыне проблем, чтобы помочь родителям не допустить ее ошибки, не закрывать глаза на происходящее, даже если это очень страшно и может ранить.

«Дневники матери» наполнены выстраданной мудростью, которая проливает свет на один из самых актуальных вопросов

современности – психологические расстройства личности, которые ведут к насилию над собой и другими.

Содержание

Предисловие	6
Предисловие	24
Примечания для читателей	30
Часть I. Последние люди на Земле	32
Глава 1. «В школе Колумбайн Хай была стрельба»	33
Глава 2. Осколки стекла	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Сью Клиболд

Дневники матери

Sue Klebold

**A Mother's Reckoning: Living in the Aftermath of
Tragedy**

© В. Тен, перевод

© ООО «Издательство АСТ»

Copyright © 2016 by Vention Resources Inc., PBC

Предисловие

Как вы думаете, что самое страшное для матери: смерть своего ребенка или осознание того, что твое чадо, в которое ты самозабвенно вкладываешь любовь и все свои силы, на самом деле является безжалостным монстром, способным погубить множество невинных душ?

1999 год, 20 апреля – эта дата черной меткой останется в памяти десятков людей. В этот день Эрик Харрис и Дилан Клиболд совершили массовое убийство в школе Колумбайн, а затем юноши покончили с собой.

Известно немало шокирующих случаев, когда школьники берутся за оружие и хладнокровно расправляются со своими сверстниками, учителями. Эти истории поражают своей чудовищностью, бесчеловечностью. В один момент в хрупкой, уязвимой, беззащитной душе подростка разгорается пожар бесконтрольной ярости и всепоглощающей ненависти, способный уничтожить все вокруг, заставив забыть о себе, о том, кем ты был, кого любил и о тех, кто любил тебя и дорожил тобой.

Признаюсь, читать данную книгу непросто, ведь перед нами настоящая исповедь матери. Матери, которая лишилась своего сына. Матери, чей ребенок унес за собой десятки жизней и поселил в семьях убитых школьников скорбь и глубоко-

кую печаль.

Сью Клиболд, автор книги, совершенно искренне и трепетно передает свои чувства, делится мыслями и событиями из жизни своей семьи. Мы узнаем, каким на самом деле был Дилан Клиболд.

Наверняка, еще не зная деталей этой истории, лишь угмонив свое любопытство парой статей с кратким описанием этого происшествия, вы уже олицетворяете Дилана с кроважидным, беспощадным чудовищем, которым правят гнев и безумие. Но если вы дочитаете эту книгу до конца, вас неизбежно поразит тот факт, что «преступники», «убийцы», «террористы» – это самые обычные люди, которых просто так не отличить в толпе. А все потому, что никому до конца неизвестно, что творится на душе у того или иного человека. Даже, если вы его знаете очень-очень давно. Даже, если это ваш ребенок.

Жестокость любит маскироваться и долго-долго паразитировать, увеличиваясь в объеме и постепенно подчиняя себе человека. Трагедия в школе Колумбайн – очередное тому доказательство.

Эта история о безутешном горе и нескончаемой борьбе. Книга определенно заслуживает внимания как взрослых, так и подростков. Родители на примере Сью Клиболд могут проанализировать свои ошибки, в отношениях со своими детьми. А дети, в свою очередь, должны понять, что будет, если однажды сделать неправильный выбор. Какую боль

они могут причинить близким людям и всем окружающим.

Стейс Крамер, Автор книги «50 дней до моего самоубийства»

Всем, кто чувствует себя одинокими, лишенными надежды и отчаявшимися, даже находясь среди любящих их.

Подпись к фотографии: Фото семьи Клиболд, Рождество 1991 года (слева направо: я, Байрон, Дилан и Том). Фотогра-

фия Пекари.

*Неужто, Боль, с тобой мне вековать,
Делить с тобою пищу, кров, тепло?
И в голове терпеть твое сверло?
С тобою первый голод утолять?*

Эдна Сент-Винсент Миллей¹

Мы всякий раз склонны обвинять родителей во всех явных изъянах в воспитании их детей. В восемнадцатом веке теория имажинативизма утверждала, что дети приобретают нарушения из-за невыраженных распутных желаний их матерей. В двадцатом веке считалось, что гомосексуальность является причиной появления чрезмерно контролирующих матерей и пассивных отцов; шизофрения отражала неосознанное желание родителей, чтобы их ребенок не существовал; а аутизм возникал в результате воспитания «матерями-холодильниками», чья холодность заставляла детей искать убежища в крепости тишины. Сейчас мы поняли, что такие сложные и имеющие много причин проблемы не являются следствием отношения или поведения родителей. Тем не менее, мы продолжаем считать, что, если бы только могли проникнуть в дома, где выросли убийцы, то сразу увидели бы, в чем ошибались их родители. Восприятие детей как легко поддающихся обработке стало критерием социальной

¹ Стихотворение «Неужто, Боль, с тобой мне вековать...» цитируется по книге Миллей Э. Любовный хлеб. М.: Водолей, 2013/Пер. Редькина. М.

справедливости. Оно заставляет нас реабилитировать малолетних правонарушителей, а не просто их наказывать. В соответствии с такой логикой плохой взрослый человек может быть неисправим, но плохой ребенок является только отражением плохого влияния, не безоговорочно испорченным, а, скорее, легко поддающимся воспитанию. В этом оптимистичном утверждении может быть доля истины, но выводить из него предположение о вине родителей – это огромная несправедливость.

Есть две основные причины, из-за которых мы цепляемся за мысль о том, что преступление – это вина родителей. Во-первых, понятно, что суровое обращение и пренебрежение могут привести ранимых людей к отклоняющемуся от нормы поведению. Плохое обращение со стороны родителей может подтолкнуть таких детей к злоупотреблению запрещенными веществами, вступлению в банды, домашнему насилию и воровству. Часто у тех, с кем жестоко обращались в детстве, встречаются нарушения привязанности, а также навязчивые действия, и это приводит к тому, что они воспроизводят агрессию, которую узнали по отношению к себе. Некоторые родители наносят вред своим детям, но это не означает, что у всех проблемных детей никуда не годные родители. Так, в частности, тяжкие, лишенные здравого смысла преступления не всегда вызваны чем-либо, что сделали родители; они проистекают из нелогичности, которая так сложна, что ее причиной не могла быть травма.

Во-вторых – и это гораздо более сильный мотив, – мы хотим верить в то, что родители создают преступников, потому что, предполагая это, мы уверяем себя, что в своем собственном доме, где мы не делаем ничего плохого, нас такая беда никогда не коснется. Я знаю об этом заблуждении, потому что и сам так думал. Когда я познакомился с Томом и Сью Клиболд 19 февраля 2005 года, я воображал себе, что скоро узнаю обо всех их пороках. Я работал над книгой «Далеко от яблони» о родителях и бросающих им вызов отпрысках и думал, что эти родители станут для меня образцом того, как нельзя воспитывать детей. Я никогда не представлял себе, что они подтолкнули своего ребенка к этому акту чудовищного насилия, но считал, что в их истории будет огромное количество явно заметных ошибок. Я не хотел, чтобы Клиболды мне понравились, потому что тогда пришлось бы признать, что происшедшее не было их виной, а если это не их вина, то никто из нас не может считать, что находится в безопасности. Увы, на самом деле они мне очень понравились. Поэтому мне пришлось отказаться от мысли о том, что психопатия, лежащая в основе бойни в Колумбайн, могла зародиться в чьем-то доме. Такое невозможно угадать или предсказать; оно налетает, как цунами, и смеется над всеми нашими приготовлениями.

По рассказам Сью Клиболд до Колумбайн она была обыкновенной матерью из пригорода. Тогда я ее не знал, но после трагедии эта женщина нашла в себе силы быть мудрой в

своём несчастье. Продолжать любить при таких обстоятельствах – это смелый поступок. Ее щедрость в дружбе, ее полная жизни любовь, ее способность быть внимательной к людям, которые я ощутил на себе, делают трагедию в Колумбайн еще более страшной. Я начал с мысли о том, что Клиболды должны были отречься от своего сына, а закончил пониманием, что нужно куда больше сил, чтобы оплакивать его преступление и не переставать любить. Чувство Сью к ее сыну видно любому, кто читает эти пропитанные горем страницы, а ее книга несет в себе сложное послание. Она утверждает, что хорошие люди совершают плохие поступки – и это нам сложно воспринять с точки зрения морали – и что ужасное деяние не уничтожает других действий и мотивов. Основной смысл этой книги ужасает: ты можешь не знать своих собственных детей, и, что еще хуже, твои дети могут оказаться для тебя совершенно неизвестными. Незнакомец, которого ты боишься, может быть твоим собственным сыном или дочерью.

«Мы читаем нашим детям сказки и учим, что на свете есть хорошие парни и плохие парни, – сказала мне Сью, когда я писал “Далеко от яблони”. – Сейчас я бы так не делала. Я бы сказала, что каждый из нас может быть хорошим, а может сделать плохой выбор. Если ты кого-то любишь, ты должен любить и хорошее, и плохое в нем». Когда произошла трагедия в Колумбайн, Сью работала в том же здании, где находилось управление по условно-досрочному освобождению,

и, поднимаясь в лифте с бывшими заключенными, она чувствовала себя испуганной, ей хотелось отвернуться от них. После трагедии Сью посмотрела на этих людей по-другому: «Я чувствовала, что они в точности как мой сын. Они просто люди, которые по какой-то причине сделали ужасный выбор и оказались в страшном, безнадежном положении. Когда в новостях говорили о террористах, я думала “Они тоже чьи-то дети”. Колумбайн заставила меня чувствовать более тесную связь со всем человечеством, чем что-либо еще». Лишения могут дать своим жертвам способность сопереживать.

Мы принимаем близко к сердцу два вида преступлений: преступления, где жертвами являются дети, и преступления, где дети являются преступниками. В первом случае мы оплакиваем невинных; во втором – понимаем, что неверно считали всех детей невинными. Стрельба в школе – это самое пугающее преступление, потому что к нему относятся оба эти положения. Колумбайн все еще держит некую пальму первенства, остается чем-то вроде эталонного образца, до которого все остальные не дотянули. Огромное самомнение, к которому примешивается садизм, хаотичность нападения и масштаб запланированного, сделали Эрика Харриса и Дилана Клиболда героями для огромного количества юных бунтарей, не имеющих особых причин для бунта, в то время как остальные люди их проклинаяют как психопатов, а некоторые религиозные группы – даже как символы сатанизма. Люди, которые хотят защитить своих детей от такой угрозы, сно-

ва и снова анализируют мотивы и цели мальчиков. Даже самые неустрашимые родители задаются вопросом о том, как можно быть уверенным, что их дети не совершат подобных преступлений. «Лучше знакомый враг, чем незнакомый», – говорит народная мудрость, и Колумбайн – это, прежде всего, внезапное нападение неизвестного, ужаса, спрятанного на самом видном месте.

Было совершенно невозможно разглядеть в мальчиках убийц. Мы живем в обществе осуждения, и некоторые родственники жертв были неумолимы, требуя неких «ответов», которые «хранились в тайне». Лучшее свидетельство того, что родители ничего не знали, – это уверенность в том, что, если бы они знали, то что-нибудь предприняли бы. Судья округа Джефферсон Джон Де Вита сказал о мальчиках так: «Что больше всего ошеломляет, так это количество лжи. Легкость их лжи. Крутизна их лжи». Большинство родителей считают, что они знают своих детей лучше, чем это есть на самом деле; дети, которые не хотят, чтобы их тайны знали, могут охранять свою внутреннюю жизнь очень тщательно. Иски семей жертв основывались на сомнительных положениях о том, что человеческую натуру можно узнать, что внутреннюю логику можно отследить и что трагедии можно предсказать. Они думали, что какая-то скрытая информация могла изменить то, что случилось. Жан-Поль Сартр однажды написал: «Зло – это не видимость», добавив: «если вы будете знать его причины, оно никуда не денется». Непохоже, что

Сартра часто читают в пригородах Денвера.

Эрик Харрис, по всей видимости, был психопатом со склонностью к убийству, а Дилан Клиболд страдал депрессией со склонностью к самоубийству, и в корне отличное душевное расстройство одного было необходимо другому. Депрессия Дилана не привела бы его к убийствам без Харриса, но, возможно, что-то в Эрике потеряло бы стимул к действиям, если бы не нужно было тащить за собой Дилана. Злость Эрика шокирует, но молчаливое согласие Дилана шокирует не меньше. В своем дневнике Дилан писал: «Мысли о самоубийстве вселяют в меня надежду, что я, куда бы ни попал после этой жизни, окажусь в своей тарелке... что, наконец, перестану враждовать с самим собой, с миром, с вселенной. Мой разум, тело, все во мне обретет ПОКОЙ – я – моя душа (существование)». Он описывал свое собственное «вечное страдание в бесконечных направлениях в бесконечных реальностях». Самое часто встречающееся слово в его дневнике – это любовь. Эрик писал: «Как ты осмеливаешься считать, что ты и я принадлежим к одному виду, когда мы таааааааааааакие разные, ты не человек, ты робот... и если ты задирали меня в прошлом, ты умрешь, если я об этом узнаю». В его дневнике описывается, как в некоем воображаемом студенческом будущем он будет дурить голову девчонкам, чтобы заманить их к себе в комнату и изнасиловать. Далее: «Я хочу вырвать горло зубами, как ключ из жестянки с пивом. Я хочу поймать какого-нибудь маленького слабенько-

го новичка и просто порвать его на части, как гребаного волка, я хочу душить их, сплющивать их головы, рвать их рты, ломать их руки пополам, показать им, кто здесь бог». Эрик был несостоявшимся Гитлером, Дилан – Холденом Колфилдом².

Сью Клиболд подчеркивает, что смерть ее сына была самоубийством. Карл Меннингер, который подробно писал о самоубийстве, сказал, что оно требует совпадения «желания убивать, желания быть убитым и желания умереть». Желание убивать не всегда выражено напрямую, но оно является необходимой частью головоломки. Эрик Харрис хотел убивать, а Дилан Клиболд хотел умереть, и вместе они считали, что в них есть божественное зерно, оба писали, что бойня сделает из них богов. Их соединение идеи величия и глупой выходки несет на себе отпечатки обычного подросткового поведения. Во время стрельбы в школе Колумбайн Хай, уже к концу бойни, один из свидетелей, прятавшихся в столовой, слышал как кто-то из убийц говорил: «Сегодня миру придет конец. Сегодня мы умрем». Это детское объединение себя со всеми остальными людьми. Г.К. Честертон писал: «Убийца убивает человека, самоубийца – человечество. Что касается его, то он уничтожает весь мир».

Защитники психически больных указывают на то, что

² Холден Колфилд – главное действующее лицо романа Джерома Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», ставшее символом юношеского бунта и нонконформизма. – *Прим. пер.*

большинство преступлений совершают люди здоровые, и на то, что большинство психически больных людей преступлений не совершают. Что означает Колумбайн, если рассматривать ее как результат деятельности здоровых умов? Люди не совершают преступлений либо потому, что знают, что из-за этого будут проблемы, либо потому, что у них есть моральные ценности. Большинство людей видели вещи, которые хотели бы украсть. Большинство людей хоть раз в жизни испытывали случайную вспышку ярости и желание убить близкого человека. Но люди не идут в школу, чтобы убить ребят, которых едва знают, и взять остальных в заложники не потому, что боятся наказания или не могут преодолеть мораль. Такая мысль просто не может прийти в голову здоровому человеку. У Дилана была депрессия, но не было шизофрении, посттравматического синдрома, биполярного расстройства или каких-то других расстройств, которые отвечали бы параметрам психиатрического диагноза. Бессвязность мышления не уменьшает злобность действий Дилана. Его мать ведет себя благородно, не пытаясь в своей книге перевести вину сына на других. Сью Клиболд отказывается обвинять тех, кто издевался над Диланом, школу или его биохимическую предрасположенность к насилию. Это означает, что, в конце концов, она решила просто принять то, что никогда не удастся оправдать. Она не пытается провести нечеткую границу между злом и болезнью.

Сразу после бойни плотник из Чикаго приехал в Литтлтон

и сделал пятнадцать деревянных крестов – по одному для каждой жертвы, в том числе и для Дилана и Эрика. Многие люди клали цветы к крестам нападавших, как и к крестам тех, кого они убили. Но Брайан Рорбоф, отец одного из погибших, убирал кресты Харриса и Клиболда. «Не унижайте то, что Христос сделал для нас, чувствуя убийц крестами, – сказал он. – Нигде в Библии не говорится, что надо простить нераскаявшегося убийцу. Не жалейте их, не прощайте – вот что говорит Библия». Его точка зрения на интерпретацию христианской доктрины полностью понятна, но утверждение Рорбофа основывается на ошибочном положении о том, что оплакивание смерти убийц равно их прощению и что прощение отменяет тот ужас, который они совершили. Сью Клиболд не ищет прощения для своего сына и даже не мечтает о нем. Она объясняет, что и понятия не имела о том, что что-то происходило, но этим не пытается оправдывать себя. Она воспринимает свое незнание как предательство собственного сына и всего мира. Возможно, смерть человека, который совершил ужасное преступление, во благо, но любой погибший ребенок – это крушение надежд какого-то родителя. Эта скорбная книга для Сью – покаяние и искупление. Ненависть не уничтожает любви. На самом деле эти два чувства идут рядом.

На нашей первой встрече Сью рассказала мне о том, что чувствовала 20 апреля 1999 года, когда узнала, что происходило в школе Колумбайн Хай. «В то время, как каждая мать

в Литлтоне молилась о том, чтобы ее ребенок был в безопасности, мне пришлось молиться о том, чтобы мой сын умер, не причинив вреда кому-нибудь другому, – сказала она. – Я думала о том, что если это все происходит по-настоящему, и он останется в живых, его отправят в тюрьму, а я не перенесу, если потеряю его еще раз. Я молилась как только могла, чтобы он убил себя, потому что тогда я, по крайней мере, знала бы, что он хотел умереть, и я не осталась бы со всеми своими вопросами, как в том случае, если бы его жизнь оборвала пуля полицейского. Может быть, я была права, но потом я так долго жалела об этой молитве: я пожелала, чтобы мой сын убил себя, и он сделал это».

В конце тех выходных я спросил Тома и Сью, что они хотели бы спросить у Дилана, если бы сейчас он вдруг оказался с нами в этой комнате. Том сказал: «Я бы спросил его, о чем он, черт возьми, думал и какого черта он вообще это все сделал?!» Сью несколько мгновений смотрела в пол, а потом тихо произнесла: «Я бы попросила его простить меня за то, что я была его матерью и никогда не знала, что же происходило у него внутри, за то, что не смогла ему помочь, за то, что не была тем человеком, на которого он мог положиться». Когда я напомнил ей об этом разговоре пять лет спустя, она сказала: «Когда это все произошло, я жалела о том, что у меня вообще были дети, что я вообще вышла замуж. Если бы наши с Томом пути не пересеклись где-то в Огайо, Дилана бы не было на свете, и весь этот кошмар не случился бы. Но

со временем я стала чувствовать, что я рада, что у меня есть дети, и рада, что это именно мои дети, потому что любовь к ним – даже ценой такой боли – была самым величайшим счастьем в моей жизни. Когда я говорю об этом, я имею в виду мою собственную боль, а не боль других людей. Но я смогла принять свою боль; жизнь полна страдания, и такой она стала для меня. Я знаю, что для всего мира было бы лучше, если бы Дилана никогда не было на свете, но я не думаю, что мне было бы лучше без него».

Всем нам придется переживать потери, но утрата Сью накатывалась на нее бесконечными волнами горя: вначале она потеряла самого мальчика, потом – тот образ сына, который у нее был, затем – возможность оправдывать себя из-за того, что не знала о его темной стороне, затем – перестала осознавать себя кем-то, кроме как матерью убийцы, и, наконец, потеряла фундаментальную веру в то, что в основе жизни лежит логика, что если ты будешь поступать правильно, то сможешь избежать печальных последствий. Сравнить, кому пришлось горше, – это неблагодарное занятие, и неправильно будет сказать, что утрата Сью Клиболд – самая тяжелая в Литтлтоне. Но ей пришлось столкнуться с тем, что она не могла избавиться от боли, обнаружив, что никогда не знала своего сына. Она всегда будет страдать, понимая, какие беды другим причинил Дилан. Она борется с тоской о погибшем ребенке, с тоской о других погибших детях и с тоской из-за того, что не смогла воспитать счастливого челове-

ка, который мог бы изменить мир к лучшему.

Родители переживают головокружительные дни, когда их дети маленькие и можно решить все их небольшие проблемы. Ужасно, когда у детей начинаются проблемы, с которыми ты не можешь помочь. Такое разочарование приходилось испытывать всем, но у Сью оно взвинчено до предела. Она описывает свое естественное желание делать приятное людям и со всей ясностью заявляет, что ее книга станет отрицанием этой ее склонности. Ее книга – это дань Дилану без всякого намека на прощение и в то же время призыв к действию для исследователей и защитников психических больных. Добродетельная, решительная и обладающая чувством собственного достоинства, Сью Клиболд в беспросветном одиночестве. Больше никому не приходилось переживать такого. До какой-то степени это делает Сью такой же темной лошадкой, какой был Дилан. Описывая свой опыт, она выбирает нечто вроде непознаваемости.

Овидию приписывают известную заповедь: «Переноси и будь тверд, ибо эта боль когда-нибудь принесет тебе пользу». Но с таким горем выбора мало, у тебя нет возможности отказаться нести свой крест. Ты можешь сказать, что не рад приходу беды, но не можешь попросить ее покинуть твой дом. Сью Клиболд никогда не жаловалась на то, что стала жертвой, но в ее рассказе слышны отголоски боли Иова, который говорит: «Неужели доброе мы будем принимать от Бо-

га, а злого не будем принимать?»³ И далее: «Ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне. / Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье»⁴. И, наконец, «Говорю ли я, не утоляется скорбь моя». Книга Сью Клиболд рассказывает о ее напоминающем страдания Иова пути в ад, который невозможно осознать, ее прощании с ощущением безопасности. Возможно, самое большое впечатление остается от того, что книга признает: никакие слова не могут утолить горя. Женщина даже уже не пытается смягчить его. Эта книга – не очищающая исповедь, чтобы выговориться и почувствовать себя лучше. Это просто рассказ о борьбе и о принятии, об усмирении боли в надежде разделить боль других, такую же, как у нее самой, у ее сына и у его жертв.

Эндрю Соломон

³ Книга Иова, 2:10 – *Прим. пер.*

⁴ Там же, 3:25, 26.

Предисловие

20 апреля 1999 года Эрик Харрис и Дилан Клиболд, взяв оружие и взрывчатку, пришли в школу Колумбайн Хай. Прежде чем покончить с собой, они убили двенадцать учеников с учителем и ранили еще двадцать четыре человека. Это была самая страшная перестрелка в истории всех преступлений, произошедших в школах.

Дилан Клиболд был моим сыном.

Я бы отдала жизнь за то, чтобы в тот день все пошло по-другому. Более того, я бы с радостью отдала ее взамен на хотя бы одну из тех жизней, которые были оборваны в тот день. Но я знаю, что такая сделка невозможна. Ничто из того, что я когда-либо буду способна сделать или сказать, не сможет искупить этой кровавой бойни.

С того ужасного дня прошло шестнадцать лет, и я посвятила их попыткам понять то, что по-прежнему непостижимо для меня – как жизнь мальчика, такая многообещающая, могла кончиться такой катастрофой, при том, что все происходило на моих глазах. Я задавала вопросы специалистам, а также членам нашей семьи, друзьям Дилана и, чаще всего, себе. Что я упустила и как я могла упустить это? Я тщательно изучала свои дневники. Я анализировала жизнь нашей семьи так яростно, как это мог бы делать ученый-криминалист, перевертывая повседневные события и разговоры

в поисках ключей, которые я пропустила. Что я должна была увидеть? Что я могла сделать по-другому?

Мой поиск ответов начался как полностью личное дело, как первоначальная потребность выведать неизвестное, такая же сильная, как стыд, ужас и горе, которые переполняли меня. Но я обнаружила, что фрагменты, находящиеся у меня в руках, дают ответы, подходящие к задачам, которые многие отчаялись решить. Надежда на то, что то, что я узнала, может помочь, привела меня к трудному, но необходимому решению – выйти с моей историей на публику.

Между тем, где я нахожусь сегодня, и той точкой зрения на мир, которая была у меня до событий в Колумбайн, пролегал пропасть. Тогда жизнь нашей семьи выглядела точно так же, как жизнь любой американской семьи из пригорода. После более десяти лет поисков среди обломков этой катастрофы мои глаза открылись. И не только по поводу того, что касается тех вещей, которые я не знала про Дилана, и событий, которые привели к тому дню. Я стала также понимать, что смысл этих открытий простирается куда дальше Колумбайн.

Я никогда не узнаю, могла ли я предотвратить те ужасные события, которые привели моего сына к кровавой бойне, развернувшейся в тот день, но я стала видеть, что именно я могла бы сделать по-другому. Это совсем мелочи, тонкие нити в кружеве обычной жизни семьи. Потому что если кто-нибудь проникнет внутрь наших жизней до Колумбайн, я ду-

маю, они увидят – даже если будут разглядывать все под самыми сильными лупами – лишь совершенно обыкновенную жизнь, несколько не отличающуюся от той жизни, которая течет в бесчисленном количестве домов по всей стране.

Мы с Томом были любящими, внимательными и участвующими в жизни детей родителями, а Дилан был полным энергии, ласковым ребенком. Он был не из тех детей, о которых родители беспокоятся и молятся, надеясь, что дитя в конце концов найдет свой путь и начнет жить полноценной жизнью. Мы называли его «солнечным мальчиком», и не только из-за облака светлых волос вокруг его головы, но и потому, что, кажется, ему все давалось легко. Мне нравилось быть матерью Дилана, и я любила его всем сердцем.

В моей истории людям, вероятно, будет особенно трудно понять, что наша жизнь до Колумбайн была совершенно обыкновенной. Для меня это тоже очень важно. Наша домашняя жизнь не была трудной или напряженной. Наш младший сын не был «головной болью», а уж тем более тем, кого мы (или любой, кто его знал) могли вообразить представляющим опасность для себя или кого-либо еще. Я бы хотела, чтобы многое было по-другому, но больше всего я хотела бы, чтобы тогда мне не казалось, будто с моим сыном все хорошо, когда на самом деле это было не так.

Когда дело доходит до психических расстройств, то многие дети сегодня подвержены им в той же мере, как дети сто лет назад были подвержены инфекционным заболеваниям.

Слишком часто, как это было в нашем случае, течение этих болезней протекает незамеченным. В самом страшном случае ребенок угасает, либо его способность к счастливой и продуктивной жизни тихо сходит на нет. При любом варианте такая ситуация может ставить в тупик, одновременно разбивая сердце. Если мы не откроем глаза на эту уязвимость, ужасный счет будет только увеличиваться. И этот счет включает не только трагедии, такие как в Колумбайн, Виргинском политехническом институте, Ньютоне или Чарльстоне, но и бесчисленное количество более тихих, медленно разгорающихся трагедий, каждый день происходящих в повседневной жизни наших сослуживцев, друзей и любимых.

Возможно, это самая трудная истина, на которую родители должны решиться открыть глаза, но это именно та вещь, которую ни один родитель на Земле не знает лучше, чем я, – одной любви недостаточно. Моя бесконечная любовь к Дилану не спасла его, так же как и не спасла тринадцать человек, убитых в школе Колумбайн Хай, и многих других, получивших ранения и травмы. Я пропустила едва различимые признаки психологической дезориентации, которые, если бы я их заметила, могли изменить ситуацию для Дилана и его жертв – полностью изменить весь их мир.

Рассказывая свою историю так искренне, как это только возможно, даже когда она показывает меня в нелюбимом свете, я надеюсь зажечь свет, который поможет другим родителям увидеть в лицах своих детей то, что с ними про-

исходит, чтобы они могли помочь детям, если они нуждаются в помощи.

Многие из моих собственных друзей и коллег изменили свое родительское поведение, узнав нашу историю. В некоторых случаях их вмешательство принесло критически важные результаты, как, например, когда бывшая коллега заметила, что ее тринадцатилетняя дочь выглядит немного отстраненной. Помня о Дилане, она давила, и давила, и давила. В конце концов, дочка сломалась и призналась, что ее изнасиловал незнакомец, когда она украдкой ускользнула из дома вместе с подругой. Девочка была в глубокой депрессии, ей было стыдно, она боялась и серьезно думала о том, чтобы покончить с собой.

Моя коллега смогла помочь своему ребенку, потому что заметила едва различимые изменения и продолжала задавать вопросы. Я воспряла духом, узнав, что история ее дочери кончилась более счастливо, потому что она знала нашу, и я верю, что от того, что круг людей, знающих эту историю, расширится, будет лишь лучше.

Мне нелегко выступать с этим рассказом, но если то понимание и те прозрения, которые появились у меня после ужасных событий в Колумбайн, могут помочь кому-то, то у меня нет морального права не поделиться ими. Говорить открыто страшно, но это та вещь, которую правильно будет сделать. Список того, что я бы сделала по-другому, если бы знала больше, длинен. Это мои провалы. Но то, что я узнала,

подразумевает необходимость к более широкому призыву к действию, всеобъемлющему рассмотрению того, что должно быть сделано, чтобы не только остановить такие трагедии, как та, что случилась с моим сыном, но и скрытое страдание любого ребенка.

Примечания для читателей

Абзацы, набранные курсивом и расположенные в начале многих глав, взяты из моих дневников.

В дни после Колумбайн я исписывала словами блокнот за блокнотом, пытаясь выплеснуть свое замешательство, вину и горе. Как и большинство дневников, мои остались неопубликованными, но послужили бесценным источником материала для этой книги. Люди, прошедшие войну, говорят, что она часто видится им как в тумане, и я уверена, что нечто подобное применимо и к моей ситуации. Если бы я постоянно не записывала события тех дней, недель, лет, туман поглотил бы слишком большую часть моей истории, и достоверный рассказ не получился бы. Дневники любезно напоминали мне не только о событиях и фактах, но и обо всех этапах моих изменений.

Сейчас я нахожусь совершенно в ином мире, чем в дни, которые последовали за трагедией в Колумбайн. Не будет преувеличением сказать, что я совсем другой человек. Выдержки из моих дневников дают представление о мыслях и чувствах, которые я испытывала, когда все происходило, а содержание глав объединяет представления, которые пришли с течением времени, и огромное количество поисков и размышлений.

Некоторые имена и узнаваемые детали в этой книге изменены, чтобы защитить частную жизнь людей.

В процессе написания этой книги я говорила со многими специалистами в различных областях, начиная сотрудниками правоохранительных органов и заканчивая специалистами по оценке угрозы, журналистской этике, социологии, психологии, психиатрии и нейробиологии. Книга никогда бы не появилась без отзывчивости этих людей, посвятивших себя исследованиям.

Часть I. Последние люди на Земле

Илл. Вместе с Диланом в его пятый день рождения. Фотография предоставлена семьей Клиболд.

Глава 1. «В школе Колумбайн Хай была стрельба»

20 апреля 1999 года, 12:05

Я находилась в своем офисе в центре Денвера и уже готовилась отправиться на встречу по поводу стипендий на обучение в колледже для студентов с ограниченными возможностями, когда заметила, что на стоящем на столе телефоне мигает красная лампочка.

Я проверила сообщение на случай, если моя встреча отменяется, но его оставил мой муж Том, его голос был напряженным, резким, взволнованным:

– Сьюзен, чрезвычайная ситуация! Немедленно мне перезвони!

Он не сказал больше ничего. Ему и не нужно было ничего говорить: по тону его голоса я поняла, что что-то случилось с одним из наших мальчиков.

Мне показалось, что потребовалось несколько часов, чтобы дрожащими пальцами набрать наш домашний номер телефона. Паника захлестнула меня, как волна; стук сердца раздавался в ушах. Наш младший сын Дилан был в школе, его старший брат Байрон – на работе. Произошел какой-то несчастный случай?

Том схватил трубку и сразу же закричал:

– Включи телевизор!

Но я не могла понять ни слова. Я была в ужасе от того, что происшедшее было таким значительным, что о нем говорили на телевидении. Мой страх, который охватил меня несколько секунд назад при мысли об автомобильной аварии, неожиданно показался незначительным. Не началась ли война? Не напали ли на нашу страну?

– Что происходит?! – завопила я в трубку.

На другом конце было слышно только треск помех и неразборчивый шум телевизора. Наконец, Том вернулся к телефону, но мой обычно непоколебимый муж вел себя как сумасшедший. Неразборчивые слова вылетали из его рта как отрывистые пулеметные очереди, не имеющие никакого смысла:

– Человек с оружием... стрелок... школа...

Я пыталась понять, что Том говорит мне: Нат, лучший друг Дилана, несколько минут назад позвонил в домашний офис Тома и спросил, дома ли Дилан. Такой звонок в середине школьного дня сам по себе был поводом для беспокойства, но причина, по которой звонил Нат, была кошмаром для каждого родителя – вооруженные люди стреляли в школе Колумбайн Хай, где Дилан учился в выпускном классе.

Более того: Нат сказал, что стреляющие были одеты в черные тренкоты⁵, такие же, как тот, что мы недавно купили Дилану.

⁵ Плащи свободного покроя – Прим. пер.

– Не хочу вас беспокоить, – сказал он Тому, – но я знаю всех ребят, которые носят черные плащи, и единственные, кого я не могу найти, – это Эрик и Дилан. А еще их сегодня утром не было в боулинге.

Голос Тома был хриплым от страха, когда он говорил мне, что, повесив трубку после разговора с Натом, перерыл весь дом в поисках тренчкота Дилана, иррациональным образом решив, что, если найдет плащ, то с Диланом все будет в порядке. Но плаща не было, и Том потерял рассудок.

– Я еду домой, – сказала я.

От страха у меня немело сердце. Мы повесили трубки не попрощавшись.

Безуспешно пытаюсь успокоиться, я попросила коллегу отменить мою встречу. Выйдя из офиса, я обнаружила, что мои руки так трясутся, что мне пришлось удерживать правую руку левой, чтобы нажать кнопку нужного этажа в лифте. Другие пассажиры в кабине весело болтали друг с другом, направляясь на ланч. Я объяснила свое странное поведение, сказав:

– В школе Колумбайн Хай стреляли. Мне нужно поехать домой и убедиться, что с моим сыном все в порядке.

Коллега предложил подвезти меня до дома. Поскольку я была не в состоянии говорить, я только покачала головой.

Сев в машину, я поняла, что мысли путаются в голове. Я не сообразила включить радио, и просто старалась безопасно вести машину по дороге. Пока я преодолевала два-

дцать шесть миль до нашего дома, в голове постоянно стучала только одна мысль: «Дилан в опасности».

Пароксизмы страха сжимали мне грудь, когда я снова и снова прокручивала в голове отрывочные фрагменты информации. Я говорила себе, что плащ может быть где угодно, в шкафу у Дилана или в его машине. Разумеется, отсутствие плаща, принадлежащего подростку, ничего не значило. Тем не менее, мой крепкий, надежный муж говорил так, как будто был близок к истерике, – я никогда не слышала у него такого голоса.

Поездка, казалось, заняла целую вечность, как будто я ползла по дороге в замедленном темпе, зато мои мысли неслись со скоростью света, а сердце бухало в ушах. Я все пыталась сложить вместе куски головоломки так, чтобы они подошли друг к другу, но в тех жалких фактах, которые были мне известны, едва ли можно было найти успокоение. И я знала, что никогда не оправлюсь, если с Диланом что-нибудь случилось.

Ведя машину, я громко разговаривала сама с собой и время от времени раздражалась неконтролируемыми всхлипами. Имея от природы аналитический склад ума, я пыталась уговорить сама себя, что у меня пока недостаточно информации. Школа Колумбайн Хай огромна, в ней более двух тысяч учащихся. То, что Нат не смог найти Дилана в этом хаосе, необязательно означает, что наш сын ранен или убит. Я не должна позволить, чтобы паника Тома охватила меня.

Несмотря на то, что ужас продолжал накатывать волнами, я говорила себе, что мы, возможно, напрасно сходим с ума, как это было бы с любым родителем пропавшего в такой ситуации ребенка. Может быть, никто не пострадал. Я собиралась зайти на кухню и обнаружить там Дилана, изучающего содержимое холодильника и готового пилить меня за слишком острой реакцией.

Тем не менее, я не могла заставить мой мозг перестать перескакивать от одного ужасного сценария развития событий к другому. Том сказал, что в школе были вооруженные люди. Вцепившись вспотевшими ладонями в руль, я затрясла головой, как будто Том мог меня видеть. Люди с оружием! Возможно, никто не знал, где Дилан, потому что его застрелили. Может быть, он лежит где-нибудь в школьном здании раненый или убитый, попавший в ловушку, и не может даже послать нам весточку. Быть может, его взяли в заложники. Эта мысль была так ужасна, что я едва могла дышать.

К тому же в животе у меня неприятно тянуло. Я застыла от страха, когда услышала, что Том упомянул Эрика Харриса. Единственный раз, когда Дилан попал в серьезную неприятность, он был с Эриком. Я снова покачала головой. Дилан всегда был живым, любящим ребенком, и он вырос в здравомыслящего взрослого, которого нелегко вывести из себя. Он запомнил тот урок, уверяла себя я. Он не позволит втянуть себя в какую-нибудь глупость еще раз.

Наряду с дюжиной других страшных сценариев, прокру-

чивающихся в моем воспаленном мозге, я задавалась вопросом, может ли ужас, охвативший школу, быть не невинной проказой старшеклассников, которая ужасным образом вышла из под контроля.

В одном я была уверена: у Дилана не могло быть оружия. Мы с Томом были настолько решительными противниками оружия, что даже думали уехать из Колорадо, потому что законы штата менялись и теперь проще было приобретать краденые винтовки. Чей бы это ни был чудовищный замысел, Дилан никоим образом никогда не мог быть вовлечен в историю с оружием, даже в виде шутки.

Так оно и продолжалось двадцать шесть долгих миль. В одно мгновение меня захлестывали кадры, где Дилан страдает от боли, ранен, плачет и зовет на помощь, а затем их сменяли более счастливые картины: Дилан, еще мальчик, задувает свечи на торте в День рождения, вопит от счастья, съезжая вместе с братом с пластиковой горки в бассейне на заднем дворе. Говорят, вся жизнь пролетает перед тобой, когда ты умираешь, но пока я ехала домой, вся жизнь моего сына пронеслась передо мной, как видеоролик. Каждый драгоценный кадр одновременно разбивал мне сердце и наполнял меня отчаянной надеждой.

Этот адский путь до дому был первым шагом на пути, который занял всю оставшуюся жизнь, на пути смирения с невозможным.

Когда я приехала домой, мой страх достиг еще более высокого уровня. Том рассказал мне то, что выяснил из обрывочных сведений: в школе стрельба, Дилана и Эрика все еще не нашли. Что бы ни случилось, это было серьезно. Том позвонил нашему старшему сыну Байрону, который сказал, что уйдет с работы и немедленно приедет к нам.

Мы с Томом метались по дому, как свихнувшиеся заводные игрушки. В крови бурлил адреналин, мы не могли остановиться или закончить какое-то дело. Наши перепуганные питомцы с расширенными от страха глазами попрятались по углам.

У Тома единственной мыслью был отсутствующий плащ, но меня сбивали с толку слова Ната о том, что Дилана не было на боулинге. Этим утром сын ушел из дома с большим запасом времени, чтобы успеть на игру, он попрощался, когда уходил. Думая об этом, я ловила себя на том, что меня пугает мысль о том, что это прощание было необычным.

Тем утром, двадцатого апреля, мой будильник прозвенел, когда еще не рассвело. Одевшись на работу, я посмотрела на часы. Зная, как Дилан ненавидит вставать по утрам, мы с Томом уговаривали его отказаться от тренировок по боулингу в 6.15 утра. Но Дилан настоял на своем. Он говорил, что это будет весело: он обожает боулинг, и некоторые из его друзей посещают эти тренировки. За время последнего семестра он проделал большую работу, заставляя себя выходить на дорожку вовремя – не идеально, но близко к этому. Тем не

менее, мне нужно было приглядывать за временем. Не важно, насколько добросовестно Дилан заводил свой будильник, в те дни, когда был боулинг, мне нужно было позвать его с нижней площадки лестницы, чтобы поднять с постели.

Но утром двадцатого апреля я еще одевалась, когда услышала тяжелые шаги Дилана по лестнице и мимо закрытой двери нашей спальни на первом этаже. Меня удивило, что он встал и оделся так рано без напоминания. Дилан двигался быстро и, казалось, торопился уйти, хотя у него было достаточно времени, чтобы поспать еще немного.

Мы всегда согласовывали наши планы на день, поэтому я открыла дверь спальни и выглянула из нее.

– Дил? – окликнула я.

В доме было слишком темно, чтобы что-нибудь увидеть, но я услышала, как открылась передняя дверь. Из темноты я услышала, как мой сын крикнул: «Пока!», и его голос был резким и решительным. Он ушел до того, как я успела включить свет в прихожей.

Выбитая из колеи таким нарушением распорядка, я вернулась в спальню и разбудила Тома. В голосе Дилана, в его единственном слове была нота, которой я никогда раньше не слышала – насмешка, почти такая, как будто его застали в разгар драки с кем-то.

На той неделе это был не первый признак, показывающий, что Дилан нервничает по какому-то поводу. Два дня назад, в воскресенье, Том спросил меня:

– Ты заметила, какой у Дилана голос в последнее время? Он говорит более сдавленно и тонко, чем обычно, – Том прочертил в воздухе линии большим и средним пальцем руки. – Его голос повышается вот так, когда он напрягается. Я думаю, что его может что-то беспокоить.

По поводу мальчиков интуиция Тома всегда срабатывала великолепно, и мы договорились сесть и поговорить с сыном, чтобы узнать, что у него на уме. Конечно, было вполне логично, что Дилан чувствует некоторую озабоченность, заканчивая выпускной класс. Три недели назад мы ездили в наиболее предпочтительный для него колледж – университет штата Аризона. Хотя Дилан был очень независимым, отъезд из своего штата потребовал бы значительной адаптации для мальчика, который никогда не жил вне своего дома.

Но я была в замешательстве от резкого тона, который услышала в голосе Дилана, когда он попрощался, и меня тревожило, что он не задержался, чтобы рассказать о своих планах на день. У нас так и не получилось сесть и поговорить с сыном, так как Дилан почти весь уикэнд провел с разными друзьями.

– Думаю, в воскресенье ты был прав, – сказала я сонному мужу. – Что-то *беспокоит* Дилана.

– Я поговорю с ним, как только он вернется домой, – заверил меня Том из постели.

Так как Том работал дома, они с Диланом обычно смотрели спортивные новости и перекусывали вместе, когда сын

приходил из школы. Я расслабилась и продолжала, как обычно, собираться на работу, чувствуя облегчение от того, что к тому времени, когда я вернусь домой, Том будет знать, беспокоит ли что-нибудь Дилана.

После звонка Ната, стоя посреди нашей кухни и пытаюсь сложить фрагменты информации, которая у нас была, в одно целое, я холодела, вспоминая ужасную, тяжелую решительность в голосе Дилана, когда он попрощался утром. Пугал меня и тот факт, что он ушел рано, но не пришел на тренировку. Я решила, что он с кем-то встречался утром, чтобы выпить кофе и, может быть, поговорить о том, что его беспокоит. Но если он не пришел на боулинг, то где вообще мог находиться?

Но окончательно почва ушла у меня из-под ног, когда раздался телефонный звонок, и Том бросился через всю кухню, чтобы ответить на него. Это звонил адвокат. До этого момента среди моих страхов самым главным было то, что Дилан в опасности, то есть, он мог пострадать физически или сделать какую-нибудь глупость, что-то, из-за чего попадет в беду. Теперь я поняла, что среди страхов Тома было нечто, из-за чего Дилану мог понадобиться адвокат.

В прошлом году Дилан уже попал в беду вместе с Эриком. Этот эпизод стал для нас самым сильным ударом в жизни: наш обладающий хорошими манерами, организованный ребенок, из-за которого мы никогда не беспокоились, вломился в припаркованный фургон и украл какое-то электронное

оборудование. В результате Дилан получил условный срок. Сын прошел программу реабилитации, что позволило ему избежать уголовных обвинений. На самом деле он закончил курс раньше срока – необычный случай, как нам сказали, – и получив горячие похвалы от куратора.

Все вокруг убеждали нас не придавать этому инциденту большого значения: Дилан был хорошим мальчиком, но известно, что в подростковом возрасте даже самые лучшие мальчики совершают очень глупые ошибки. Но также нас предупредили, что даже малейший неправильный шаг, даже крем для бритья, размазанный на перилах лестницы, приведет к обвинению в тяжком преступлении и тюремному сроку. И поэтому при первых признаках того, что Дилан может оказаться в беде, Том связался с имеющим хорошие рекомендации адвокатом. В то время как часть меня не могла поверить: Том действительно представляет себе, что Дилан может быть вовлечен в то, что происходило в школе, другая часть была ему благодарна. Несмотря на свое волнение, Том был достаточно предусмотрителен, чтобы принимать меры заранее.

Я еще была далека от мыслей о том, что люди в самом деле могут пострадать или что они могут пострадать от руки моего сына. Я просто волновалась, что Дилан ради какой-то глупой шутки может поставить под удар свое будущее, беспечно наплевав на второй шанс, который получил, успешно пройдя программу реабилитации.

Звонок адвоката, конечно, принес куда более плохие новости. Гари Лозов, которого нанял Том, дозвонился до конторы шерифа. Он перезвонил, чтобы сообщить, что невысказанное подтвердилось. Хотя репортеры выдавали противоречивую информацию, не было никаких сомнений, что в школе Колумбайн Хай происходило что-то ужасное, связанное с вооруженными людьми. В офисе окружного прокурора подтвердили, что они подозревают, что Дилан был одним из этих людей. Полиция была уже на пути к нашему дому.

Когда Том повесил трубку телефона, мы уставились друг на друга, в наших глазах застыли ужас и неверие. То, что я услышала, не могло быть правдой. Тем не менее, оно ею являлось. И при этом так не могло быть. Даже самые кошмарные сценарии, которые прокручивались у меня в голове на пути домой, бледнели по сравнению с этой реальностью. Я боялась, что Дилан в опасности или сделал какую-нибудь детскую глупость, из-за которой мог попасть в беду, а теперь оказалось, что люди пострадали из-за того, что он делал. Это было реальностью, это происходило. Но я все еще не могла заставить мой мозг принять то, что услышала.

Потом Том сказал мне, что собирается попытаться проникнуть в школу.

– Нет! – завопила я. – Ты сошел с ума! Ты можешь погибнуть!

Он пристально посмотрел на меня и сказал:

– И что?

Вся шумная неразбериха вокруг нас вдруг резко остановилась, когда мы посмотрели друг на друга. Через секунду я прикусила язык и отошла в сторону. Том был прав. Даже если он умрет, по крайней мере, мы будем знать, что он сделал все, что мог, чтобы остановить то, что там происходило.

Вскоре после часа дня я позвонила сестре, мои пальцы дрожали, когда я набирала номер. Мои родители умерли, но моя старшая сестра и младший брат жили неподалеку друг от друга в соседнем штате. Всю жизнь сестра была человеком, к которому я обращалась и когда все было хорошо, и когда все шло не так. Она всегда обо мне заботилась.

В тот миг, когда я услышала ее голос, то спокойствие, которое я каким-то образом сохраняла, исчезло, и я расплакалась.

– Что-то ужасное происходит в школе. Я не знаю, то ли Дилан стреляет в людей, то ли сам пострадал. Они сказали, что он в этом замешан.

Диана ничего не могла сказать, чтобы успокоить мои слезы, но она пообещала позвонить брату и остальным родным.

– Мы все здесь за тебя, – с напором сказала она, когда мы клали трубки, чтобы наш домашний телефон не был занят. Я и не предполагала, как она мне будет нужна в следующие несколько лет.

К тому времени, как приехал наш старший сын Байрон, мои лихорадочные попытки что-то – что угодно – сделать прекратились, и я сидела за кухонной стойкой, рыдая в по-

судное полотенце. Как только Байрон обнял меня, последние капли сил покинули меня и я обмякла на стуле, так что он больше поддерживал меня, чем обнимал.

– Как он мог это сделать? Как он мог это сделать? – все спрашивала я.

Я и не предполагала, что скрывается за «этим». Байрон качал головой в неом неверии, все еще обвивая меня руками. Сказать было нечего. Часть меня думала: «Я его мать. Я должна собраться, быть образцом, быть сильной для Байрона». Но было невозможно сделать что-либо еще, кроме как бессильно всхлипывать, тряпичной куклой обмякнув в руках сына.

Начали приезжать полицейские, и они выпроводили нас из дома – ждть на подъездной аллее. Это был прекрасный день, солнечный и теплый, из тех дней, которые заставляют тебя чувствовать, что весна наконец пришла, чтобы остаться здесь. При других обстоятельствах я бы порадовалась, что мы пережили еще одну длинную зиму в Колорадо. Вместо этого красота природы ощущалась как пощечина.

– Что они там ищут? Чего они хотят? – все повторяла я. – Можем мы помочь?

Наконец, офицер сказал нам, что они обыскивают дом и квартиру нашего арендатора в поисках взрывчатки.

Мы в первый раз услышали о взрывчатке. Больше ничего мы узнать не смогли. Нам не разрешили войти в дом без сопровождения полиции. Тому не позволили пойти ни в шко-

лу, ни куда-либо еще. Позже мы узнали, что в школу никого не пускали. Службы оперативного реагирования вошли в здание только после того, как Эрик и Дилан были мертвы и лежали в окружении тел своих жертв.

Пока мы стояли в ожидании на солнечной подъездной аллее, я заметила, что несколько офицеров одеты в униформу SWAT⁶ и то, что оказалось пуленепробиваемыми жилетами. Их вид скорее озадачивал, чем тревожил. Почему они здесь, в нашем доме, а не в школе? Они, пригибаясь, вошли в дом через переднюю дверь, с оружием наизготовку в вытянутых руках, как это обычно показывают в фильмах. Они думали, что мы укрываем Дилана? Или что Том или я могут представлять для них какую-то опасность?

Это было совершенно невероятно, и я очень четко подумала: «Мы последние люди на Земле, которых кто-нибудь ожидал увидеть в такой ситуации».

Мы провели несколько часов, меряя подъездную дорожку шагами, как перепуганные звери. Байрон тогда еще курил, и я смотрела, как он прикуривает одну сигарету от другой, но была слишком потрясена, чтобы протестовать. Полиция не общалась с нами, хотя мы молили хоть о капле информации. Что произошло? Почему они решили, что Дилан в этом

⁶ Англ. special weapons and tactics (специальное оружие и тактика) – подразделения в американских правоохранительных органах, которые используют легкое вооружение армейского типа и специальные тактики в операциях с высоким риском, в которых требуются способности и навыки, выходящие за рамки возможностей обычных полицейских. – *Прим. пер.*

замешан? Сколько там было стрелков? Где Дилан? Все ли с ним в порядке? Никто нам так ничего и не сказал.

Время растянулось, как это бывает во время аварии. Вокруг с шумом начали кружить вертолеты с полицейскими и журналистами. Наша квартирантка Элисон, снимавшая у нас студию, принесла бутылки с водой и батончики мюсли, которые мы не могли есть. Если нам нужно было воспользоваться туалетом, мы делали это в сопровождении двух вооруженных полицейских, которые ждали по ту сторону двери. Я не могла понять, защищают они нас или мы находимся под подозрением. Оба варианта меня ужасали: я в жизни никогда не делала ничего противозаконного и мне никогда не приходилось бояться своего сына.

Наступил полдень, а мы все продолжали слоняться по подъездной дорожке. Диалог был невозможен. Предгорья Скалистых гор, окружающие наш дом, всегда успокаивали меня, мы с Томом даже говорили, что нам не нужно никуда ездить, потому что мы уже живем в самом красивом месте на Земле. Но в тот полдень высокие каменные утесы казались холодными и угрожающими, словно тюремные стены вокруг дома.

Я оглянулась и увидела фигуру человека, идущего по подъездной аллее. Это была Джуди Браун, мать одного из друзей детства Дилана, Брукса. Встревоженная расплзающимися по Литтлгону слухами о том, что Дилан замешан в том, что происходило в школе, она приехала в наш дом.

Я испугалась, увидев ее. В первом и втором классе наши мальчишки дружили, а затем снова встретились в старшей школе, но уже не были близки, и со времен начальной школы я видела Джуди всего несколько раз. Мы тепло поболтали несколько недель назад на школьном мероприятии, но никогда не проводили время вместе за исключением тех случаев, когда это было связано с нашими сыновьями, и я не была уверена, что могу выдержать какие-либо светские условности. Я была настолько сбита с толку вопросом, зачем она здесь, но с ее стороны было очень странно появиться во время этого самого личного из всех времен. Они с Элисон сели с другой стороны от меня на кирпичную дорожку и уговаривали меня попить воды, которую принесли. Том и Байрон мерили шагами пространство перед передней дверью. Лица их были угрюмы, каждый из нас боролся со своими собственными беспорядочными мыслями.

Мои мысли были в хаосе. Не было никакого способа соединить ту информацию, которая у нас была, с тем, что я знала о своей жизни и о своем сыне. Они не могли говорить о Дилане, о нашем «солнечном мальчике», таком хорошем ребенке, благодаря которому я всегда чувствовала себя хорошей матерью. Если то, что Дилан намеренно наносил людям вред, – правда, то откуда это пошло?

В конце концов, старший детектив сказал, что хочет опросить каждого из нас по отдельности. Мы с Томом были готовы сотрудничать, особенно если было что-то, что мы могли

сделать, чтобы пролить свет на происходящее.

Мы разговаривали с детективом на переднем сидении его машины. Сейчас это кажется невысказанным, но во время того разговора я действительно верила, что смогу справиться со всей путаницей, если просто смогу объяснить, почему все, что они думают о Дилане, неверно. Я не понимала, что начался новый этап моей жизни. Я все еще думала, что тот мир, который я знала, можно восстановить.

Я сжала мои трясущиеся руки вместе, чтобы прекратить их дрожь. Мрачный и пугающий детектив сразу перешел к сути дела: держали ли мы оружие в доме? Интересовался ли Дилан оружием или взрывчаткой? По этому поводу я едва ли могла сообщить что-то полезное. У нас с Томом никогда не было никакого оружия. Там, где мы жили, у мальчишек всегда были пневматические ружья, но мы старались оттянуть их приобретение как можно дольше, а потом заставили детей подписать написанные вручную договоры перед тем, как у них появились духовые винтовки. Мальчики некоторое время тренировались с ними в стрельбе по мишеням, но к тому моменту, когда Дилан стал подростком, пневматические винтовки отправились на полку в гараже вместе с моделями самолетов, солдатиками и другими позабытыми реликвиями мальчишеского детства.

Я вспоминала вслух, что год назад Дилан спросил, не против ли я купить ему оружие к Рождеству. Просьба была высказана мимоходом и стала полной неожиданностью. Удив-

ленная, я спросила, зачем ему оружие, и он сказал, что было бы здорово иногда ходить в тир и практиковаться в стрельбе по мишеням. Дилан знал, насколько сильно я настроена против оружия, поэтому его просьба ошеломила меня, несмотря на то, что мы переехали в сельскую местность, где охота и посещение тира были популярным времяпровождением. Настолько чуждое для меня, насколько это может быть, оружие было повсеместно принятой частью культуры там, где мы жили, и многие наши соседи и друзья в Колорадо обожали пострелять в качестве отдыха. Поэтому, хотя я никогда не позволила бы держать оружие под своей крышей, просьба Дилана не прозвучала для меня тревожным звоночком.

Вместо этого я предложила поискать его старое духовое ружье. Дилан округлил глаза, скептическая улыбка появилась на его лице: «Мамочки!»

– Это не то же самое, – сказал он.

Я решительно покачала головой:

– Я не могу представить, зачем тебе может понадобиться оружие, и ты знаешь, как мы с папой относимся к нему. Тебе скоро будет восемнадцать и если тебе в самом деле оно нужно, ты сможешь его получить. Но ты знаешь, что я никогда, ни при каких обстоятельствах не куплю тебе ружье.

Дилан спокойно кивнул и улыбнулся:

– Ага, я так и знал, что ты это скажешь! Я просто подумал, дай, спрошу.

Он не настаивал на своей просьбе и не выказал никакой

враждебности, когда я ее отклонила. Он никогда больше не упоминал при мне оружия, и я внесла его в ту же категорию, что и остальные нелепые рождественские пожелания, которые появлялись у Дилана в разные годы. Он никогда серьезно не думал, что мы купим ему масл-кар⁷ или оплатим полет на планере.

Детектив задал и другой вопрос – интересовался ли Дилан взрывчаткой? Я думала, он спрашивал о фейерверках, и ответила честно: Дилан их не любил. Он получал их в качестве заработной платы, когда работал на демонстрационном стенде магазина фейерверков, – это была одна из его первых летних работ. (В Колорадо фейерверки продаются вполне легально.) Поэтому у него их было много, и он надежно хранил их в большом резиновом (?) контейнере в гараже. Дилан запускал фейерверки Четвертого июля и наслаждался ими. Все остальное время они лежали забытые в контейнере в гараже. Дилан собирал множество разных вещей. В тот момент я еще ничего не слышала о баллонах с пропаном или бомбах из отрезка трубы, поэтому я и понятия не имела, о чем детектив меня спрашивал на самом деле.

Сидя на переднем сидении машины детектива, я чувствовала себя маленькой и испуганной, но старалась отвечать на его вопросы полно и откровенно. Когда он спросил, видела ли я когда-либо какие-нибудь каталоги оружия или журна-

⁷ Автомобиль средних размеров с мощным двигателем и подвеской – *Прим. пер.*

лы в доме, его вопрос пробудил кое-что, потерянное в глубинах моей памяти. Несколько каталогов с оружием были среди ненужной почты, которая приходила каждый день. Я обратила на них не больше внимания, чем на каталоги, рекламирующие одежду с монограммами для младенцев или ортопедические приспособления для пожилых людей, и просто выбросила, даже не взглянув на них. Дилан вытащил один из этих каталогов из мусора. Он искал тяжелые ботинки, которые подошли бы на его большие ноги, и нашел пару, которая ему понравилась, в этом каталоге. Когда мы узнали, что его размера нет, я выбросила каталог еще раз. В конце концов он нашел ботинки в магазине излишков военного имущества.

Я чувствовала, что детектив смотрит на меня понимающими глазами: «Вот я тебя и подловил!» Неожиданно почувствовав неловкость и необходимость защищаться, я услышала, как начала мямлить, пытаюсь объяснить офицеру полиции, как много каталогов приходит каждый день и почему я не проверяла адреса. Я думала, что он поймет, только если я смогу его заставить услышать меня. Я всегда полагалась на свой особый талант рассматривать проблемы с точки зрения логики и на способность к эффективному общению. Я еще не понимала в тот момент, – и не буду понимать еще какое-то время – что моя версия реальности стала несовместима с происшедшими событиями.

Детектив спросил меня о том, что произошло в последние дни, и я рассказала ему все, что смогла вспомнить. Несколь-

ко недель назад мы ездили в университет Аризоны. Дилана приняли туда, и мы хотели, чтобы он мог взглянуть на колледж, который сам выбрал, и убедиться, что он ему подходит. Всего три дня назад Дилан, прекрасно выглядевший в смокинге, вышагивал с девушкой, которая должна была быть его парой на выпускном вечере, неловко улыбаясь, пока мы делали фотографии. Как этот мальчик мог быть тем, кого они обвиняют в таком преступлении?

Но мне не дали никакого ответа и никакой надежды. Разговор был окончен. Выбираясь из машины детектива, я чувствовала себя так, как будто меня разорвало на тысячу кусочков, которые разлетелись до самой стратосферы.

Нам все еще не разрешали зайти в дом. Том и Байрон все бродили по подъездной аллее. Офицер полиции сказал нам, что следователи ждут группу саперов, – обрывок информации, который поверг нас в ужас и замешательство. Они ищут бомбу? Был ли наш дом заминирован кем-то из знакомых Дилана? Но никто не мог ответить ни на один из наших вопросов, и мы не могли сказать, в чем причина их молчания: в том, что они еще точно не знали, что произошло, или в том, что мы были под подозрением?

Поскольку мы столько времени провели на нашей подъездной аллее, отрезанные от любых средств массовой информации и выпусков новостей, мы, возможно, знали о происходящем меньше, чем любой другой житель Литтлтона – или, если уж на то пошло, всего остального мира. Сотовые

телефоны еще не были так распространены, как сейчас, хотя у Тома и был мобильник для работы, сигнал блокировался из-за глыб песчаника вокруг нашего дома. Полиция конфисковала наш домашний телефон. Испуганные и сбитые с толку, мы могли только молиться за нашего сына.

Мы ждали снаружи на солнце, присаживаясь на бетонные ступеньки или прислоняясь к припаркованным машинам. Джуди подошла ко мне. Доверительно понизив голос, она рассказала о веб-сайте с угрозами, который сделал Эрик. Поскольку я все еще была не в себе от беспокойства за Дилана, я не понимала, почему она мне об этом говорит, пока до меня не дошло: она знала, что Эрик был психически неуравновешен и опасен в течение уже долгого времени.

– Но почему ты об этом мне не сказала? – спросила я, по-настоящему сбита с толку.

Она сказала, что сообщила об этом в полицию.

Домашний телефон постоянно звонил. Детектив позвал меня к нему, чтобы я поговорила со своей пожилой тетей. Она услышала о стрельбе в Литлтоне (имя Дилана на тот момент еще не упоминалось). У тети было хрупкое здоровье, и я боялась сказать ей правду, но понимала, что вскоре защитить ее будет невозможно.

Я сказала так мягко, как могла:

– Пожалуйста, приготовься к худшему. Здесь полиция. Они считают, что Дилан замешан в этой стрельбе.

Когда она начала возражать, я повторила то, что уже ска-

зала. Все эти невообразимые часы начали превращаться в новую ужасную реальность. Совсем как смутные формы становятся буквами и цифрами с каждым следующим щелчком машины во врачебном кабинете, так нарастал и ужас, который для меня оказался в центре внимания. Все еще было непонятно, но я уже знала, что так не останется надолго, и замешательство становилось правдой, которую, как мне казалось, я не могу принять.

Я пообещала тете, что буду держать ее в курсе дела, и повесила трубку, чтобы линия была свободна для связи со школой.

Когда тени удлиннились, время потекло еще медленнее. Мы с Томом приглушенным шепотом продирались сквозь наши сомнения. У нас не было никакого выбора, кроме как принять, что Дилан замешан в этом преступлении, но ни один из нас не мог поверить, что он принимал участие в стрельбе по своей собственной воле. Его каким-то образом впутал преступник или группа преступников, которые заставили его. Мы даже предполагали, что кто-то угрожал нам, и ему пришлось подчиниться, чтобы защитить нас. Может быть, он шел в школу, думая о безобидной шутке, о чем-то вроде театрального представления, а в последнюю минуту узнал, что использует настоящее оружие?

Я просто никак не могла поверить, что Дилан добровольно принимал участие в убийстве людей. Если он это делал, то нашего доброго, хорошего, веселого мальчика, которого мы

так любили, кто-то обманул, угрожал ему, принуждал его, или ему даже могли подмешать наркотики.

Позже мы узнали, что друзья Дилана придумывали похожие объяснения для событий, развернувшихся вокруг них. Никто из них не мог предположить, что он участвовал во всем добровольно. Никто из нас не знал, насколько он был вовлечен в эти события на самом деле – всю глубину его ярости, отчуждения и отчаяния. Это стало известно только много месяцев спустя. И даже тогда многие из нас старались совместить человека, которого мы знали и любили, с тем, что он сделал в тот день.

Мы стояли там, на подъездной аллее, в подвешенном состоянии. Прошедшие часы были отмечены только нашим беспомощным замешательством, когда мы колебались от надежды к отчаянию. Телефон звонил снова, снова и снова. Затем стеклянная наружная дверь нашего дома еще раз отворилась, и на этот раз я услышала звук телевизора, который Том оставил включенным в нашей спальне, эхом отражающийся от стен пустой комнаты. Журналист из местной телекомпании новостей вел репортаж с площадки около школы Колумбайн Хай. Я услышала, как он говорит, что по последним сообщениям число погибших достигло двадцати пяти человек.

Как и все матери в Литтлтоне, я молилась за спасение своего сына. Но когда я услышала, что репортер говорит о двадцати пяти погибших, моя молитва стала другой. Если Ди-

лан вовлечен в убийство людей, он должен остановиться. Для меня как для матери это была самая трудная молитва, которую я когда-либо произносила в тишине своих мыслей, но в то мгновение я осознала, что величайшая милость, о которой я могу молить, это не спасение моего сына, а его смерть.

Глава 2. Осколки стекла

Пока полдень превращался в сумерки, а сумерки – в темноту, я постепенно рассталась с моей последней надеждой на то, что Дилан вдруг появится на подъездной аллее в своем побитом старом черном BMW, который он починил вместе с отцом, будет смеяться и спрашивать, что у нас сегодня на ужин.

Позже в этот же день я зажала в углу одного спецназовца из команды SWAT и напрямую спросила его:

– Мой сын мертв?

– Да, – ответил он.

Как только он это произнес, я поняла то, что уже знала: это действительно так.

– Как он умер? – задала я вопрос. Мне казалось важным узнать это.

Убил ли Дилана полицейский или один из стрелков? Покончил ли он с собой? Я надеялась на это. По крайней мере, если бы Дилан совершил самоубийство, я бы знала, что он хотел умереть. Позже мне придется пожалеть об этом желании так горько, как я никогда ни о чем не жалела.

Спецназовец из SWAT покачал головой.

– Я не знаю, – сказал он, а потом ушел, оставив меня одну.

Может показаться странным, что все мои мысли и чувства

были так однозначно сосредоточены на Дилане – на его безопасности, а позже – на факте его смерти. Но моя обязанность – говорить правду до той степени, какую позволит моя память, даже если правда плохо отразится на мне. А правда в том, что все мои мысли были с моим сыном.

В середине дне я начала понимать, что Дилана подозревают в том, что он стрелял в людей, но вначале я просто автоматически отметила этот факт. Я была убеждена, что Дилан не может отнять ничью жизнь. Я начинала принимать, что физически он присутствовал во время стрельбы, но Дилан за всю свою жизнь никогда не причинил боль ни одному живому существу, и в своем сердце я знала, что он не может никого убить. Конечно, я была не права и по поводу этого, и по поводу многих других вещей. Но в то время я была в этом уверена.

Итак, в первые часы и даже дни после трагедии я не думала о ее жертвах или о страдании их любимых и друзей. Так же, как наши тела испытывают шок, когда мы получаем серьезную физическую травму – мы все слышали истории о солдатах на поле боя, которые бежали многие мили, не подозревая о страшных ранах, – то же явление происходит и при тяжелых психологических травмах. Механизм, защищающий наш здравый рассудок и душевное равновесие, отсекает все и оставляет только то, что мы можем принять, понемногу за один раз. Это защитный механизм, поразительный по своей силе, направленной как на то, чтобы укрывать

факты, так и на то, чтобы их исказить.

Какое милосердие скрыто в том, чтобы не знать о краткости жизни! Мне мучительно думать о жизнях, которые были отняты или разрушены рукой моего сына, и о боли и страдании, которые испытали семьи и друзья жертв, и эта мука каждый день со мной. Она никогда не уйдет, она будет жить, пока я жива. Я никогда не буду смотреть на мать, сидящую в церкви со своей дочерью, не думая о том, сможет ли этот красивый ребенок стать взрослым. Я никогда не посмотрю на группу подростков, смеющихся и поддевающих друг друга в «Старбаксе», не задавая себе вопрос, не лишится ли один из них жизни до того, как получит шанс прожить ее на всю катушку. Я никогда не буду смотреть на семью, наслаждающуюся пикником, бейсбольным матчем или идущую в церковь, не вспоминая родных тех, кого убил мой сын.

В этой книге я надеюсь почтить память тех, кого он убил. Лучший способ сделать это – быть правдивой настолько, насколько это в моих силах. И поэтому вот чистая правда: мои слезы по жертвам, в конце концов, пришли, и я до сих пор их оплакиваю. Но это случилось не в тот день.

Мы все еще стояли на подъездной аллее, когда прибыла команда саперов. Вскоре после этого начал моросить дождь, и нам с Томом, Байроном, нашей квартиранткой Элисон и Джуди Браун пришлось укрыться под крыльцом. Мы тесно прижались друг к другу под узким карнизом над нашей пе-

редней дверью. Неожиданно стало темно и холодно, и это изменение погоды обострило наше ощущение уязвимости и наш страх того, что должно было произойти.

Машинально я подумала о молитве, и тогда – первый раз в жизни – я не позволила себе этого успокоения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.